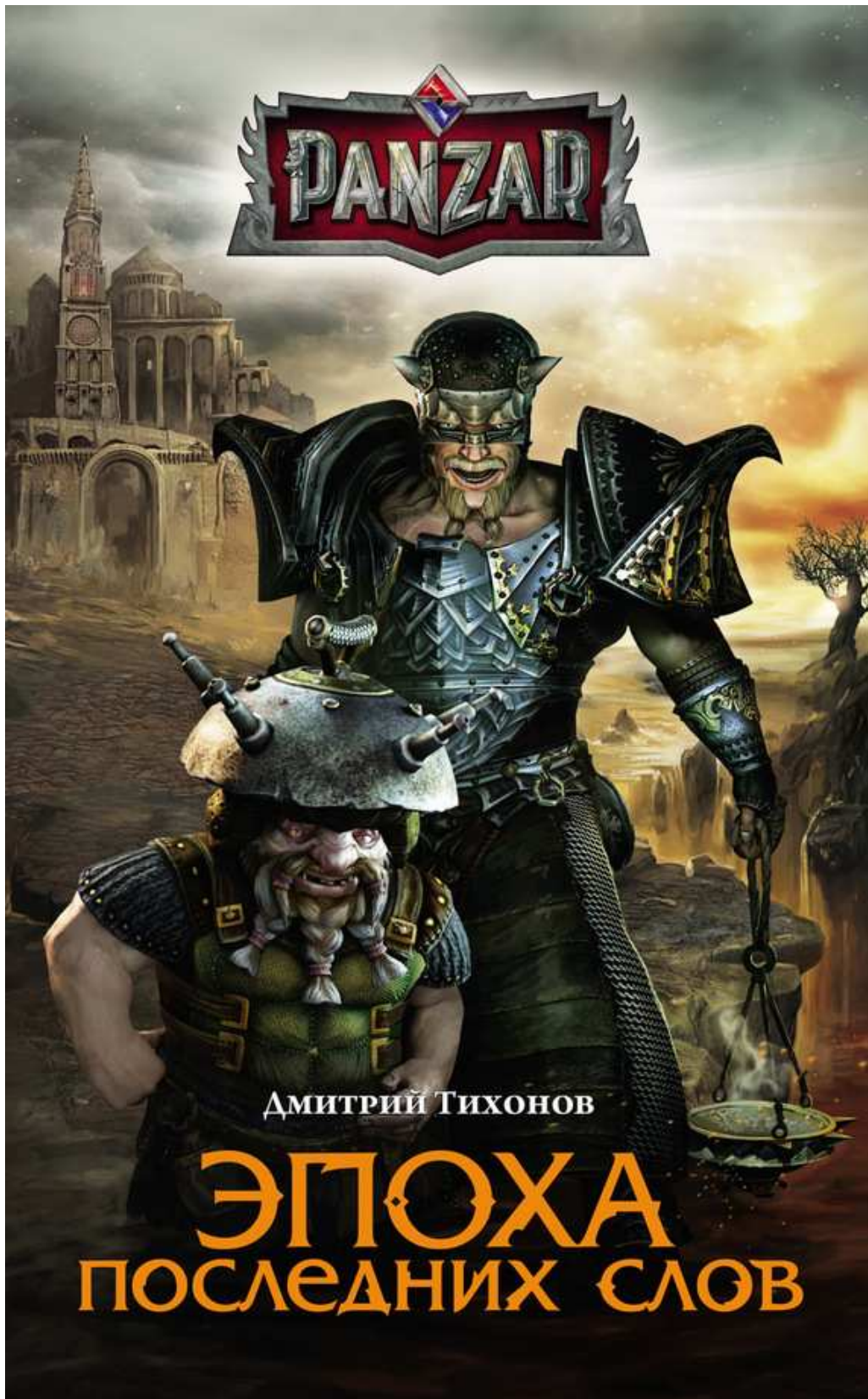

The logo for the game Panzar, featuring the word "PANZAR" in a stylized, metallic font with a red background and a diamond-shaped emblem above it.

PANZAR

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

ЭПОХА ПОСЛЕДНИХ СЛОВ

Дмитрий Тихонов
Эпоха последних слов
Серия «PANZAR»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689589
Эпоха последних слов: роман / Дмитрий Тихонов.: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084507-1

Аннотация

На заре времен Безумный Бог был погребен заживо глубоко в толще северных гор, но перед смертью успел проклясть своих убийц и все созданное ими. За тысячелетия, проведенные в магической темнице, его проклятия накопили великую силу, обрели собственную волю. Их час непременно наступит – однажды последние слова давно забытого божества вырвутся на свободу и прогремят над миром...

Действие книги основано на популярной российской RPG (role play game) игре PANZAR (<http://www.panzar.ru>)

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	29
Глава IV	36
Глава V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Тихонов

Эпоха последних слов

Пролог

Механизм перестал работать, и внезапно наступившая тишина разбудила старого Ульффрика. Он пошарил ладонями по столу в поисках очков, но через пару мгновений обнаружил их на своем носу. Огляделся. В больших песочных часах, висящих на стене, песок не успел пересыпаться и наполовину – до конца смены было еще далеко. О чем они там, внизу, думают?

Ульффрик недовольно фыркнул и, достав из кармана кисет, принялся набивать трубку табаком. Нынешняя молодежь ни на что не способна. Останавливать машину в середине смены! Да во времена его молодости за подобное сразу перевели бы из саперов в грузчики, а то и на кухню отправили бы, таскать тазы с помоями. Всю бригаду – выносить помои! Надо же соображать, что делаешь. Повторный запуск камнеподъемника займет немало времени, а выбиваться из графика нельзя ни в коем случае. Для каждого уважающего себя гнома нет ничего важнее графика. Отстанешь от соседних бригад, и тогда хоть вообще не вылезай из забоя, вырабатывай требуемую норму кристаллов. Позор на его седую бороду!

С помощью огня Ульффрик раскурил трубку и вышел из своей каморки, окутанный клубами сизого дыма. Ноги, измученные ревматизмом, при каждом шаге наливались болью. Может, стоило все-таки послушать совета внучат и обзавестись этими новомодными механическими ходулями – говорят, ими даже собираются экипировать солдат. Пневматические ногоступы, вот как они называются. Чуть ли не вместо тебя бегать будут!

Как и большинство бывших изобретателей, Ульффрик с подозрением относился ко всему новому. Созданное чужим умом и руками казалось ему недостаточно надежным. Но боль в коленях уже давно не давала спать по ночам, принуждала пересматривать взгляды на жизнь.

Покряхтывая, он добрался до выхода в забой. Цепочки масляных светильников вились спиралью по стенам ствола шахты, бросая слабые отблески на стальную оковку огромного колеса камнеподъемника. Колесо простаивало, не вращалось, не увозило наверх отработанную породу. В середине смены! Именно это Ульффрик и ожидал увидеть, и теперь его ноги заныли еще сильнее. Скрипя зубами, он медленно зашагал вниз по узенькой деревянной лестнице – туда, откуда поднимались извивающиеся струйки ароматного трубочного дыма.

На месте бригадой руководил Роргар Скалогрыз. Еще не старый, но очень опытный сапер, он был практически глух: слышал только левым ухом, да и то не всегда. Среди саперов такое не редкость – можно сказать, профессиональное заболевание – и потеря слуха обычно считается достаточным основанием для того, чтобы отправиться на пенсию. Но Роргара на заслуженный отдых не отпустили, потому что в Гильдии Рудокопов специалистов такого уровня больше не имелось. Говорили, что он с завязанными глазами способен проложить идеально ровный тоннель сквозь любую породу. Подобный талант заставляет забыть о глухоте.

Ульффрик Роргара не любил. Отчасти из-за того, что тот был моложе, отчасти – из-за идеальной репутации, но главным образом потому, что ругаться с ним было абсолютно бесполезно.

Скалогрыз встретил начальство у подножия лестницы, широко улыбаясь и раскуривая трубку.

– Вы что тут, совсем спятили?! – накинулся на него Ульфрик. – Подъемник не работает, смолите всю рядом с взрывчаткой!

Но Роргар только кивал в ответ, продолжая блаженно ухмыляться. Кто-то из молодых саперов коротко хохотнул. Ульфрик обвел их ненавидящим взглядом, погрозил пальцем:

– Я всю бригаду перепишу, клянусь Гранитными Предками! Всю бригаду! Жалованья лишу за такое самовольство! Вас всех до одного завтра же в мусорщики переведут!

Он вновь повернулся к Роргару, который еще кивал, и проорал ему прямо в левое ухо:

– Зачем остановили подъемник?!

– Да, – согласился Роргар. – Пришлось остановить.

– Пришлось? Раздробить, твою мать, почему?! Что стряслось?

– Дык ведь эта... – Роргар неспешно затянулся, выдохнул кольцо дыма, проследил, как оно растворяется в темноте вверху. – Невозможно продолжать.

– Как так «невозможно»?

– Да уж так. – Скалогрыз повернулся и ушел в темноту, не добавив больше ни слова. Ульфрик, прихрамывая, последовал за ним. Через минуту они оказались у фронта забоя, там, где саперы и шахтеры прекратили добывать кристаллы. Невыработанная жила, слабо мерцающая сиреневым, была хорошо видна на срезе скалы. Она тянулась слева сверху, изящно изгибалась оригинальным, ни на что не похожим узором и в середине фронта упиралась в...

– Вот, – сказал Роргар. – Потому и невозможно.

– Гидравлическая сила! – ошарашенно выдохнул Ульфрик.

– А?

– Я говорю, гидравл... тьфу, пропасть, да что это такое?!

– Без понятия.

Это «что-то», не встречавшееся прежде даже столь опытному саперу, составляло около восьми локтей в ширину и десяти – двенадцати локтей в высоту – по крайней мере, та его часть, что выступала из скалы. Выполнено оно было из темного матового камня, похожего на обсидиан, а всю поверхность покрывала искусная мелкая резьба, которой ничуть не повредили гномьи инструменты. Ульфрик уже успел заметить валявшуюся рядом пневматическую кирку с погнутым и смятым острием.

– Кто вообще мог закопать эдакую машину, да еще так глубоко? – спросил он. И не дождавшись ответа, повторил вопрос прямо в ухо Роргару.

– Никто, – ответил тот. – Ее не закапывали. Она же прямо в скале находится, со всех сторон окружена однородной породой.

– А значит?..

– А значит, эта штука появилась здесь еще до того, как скала затвердела. Лежит тут с тех времен, когда все вокруг было расплавленной магмой.

– Не может быть!

– Другого объяснения не вижу.

Ульфрик подошел ближе. Черная поверхность загадочного предмета так и манила дотронуться до него. Ульфрик не удержался. Пальцы коснулись крохотных завитков резьбы, дрогнули от резкого, обжигающего холода. Многие сотни тысяч лет этот холод хранился в глубине земли. Задолго до возникновения первых гномов в горном массиве наверху, он уже ждал их. Ждал, чтобы рассказать истории о сотворении мира, о Богах, предвечных создателях, канувших в небытие, о том, как из пламени и пустоты рождалась жизнь.

– Надо доставать, – сказал Ульфрик.

– Что?

– Я говорю, надо доставать, глухой ты булыжник!

– Нельзя, – покачал головой Скалогрыз. – Сначала нужно разобраться, что к чему. Да и как мы ее достанем, если не знаем, насколько глубоко она уходит в породу.

– То есть? – Ульффрик обернулся к саперу, чувствуя, как где-то в легких начинает закипать злость. – Ты предлагаешь оставить все как есть?

– Пока да.

– Пока? И сколько же оно продлится, это твое «пока»? До конца смены? До следующей декады? Представь, как сильно мы отстанем!

– Ну и что, – упрямылся Роргар. – Кого волнуют другие бригады? Они же не нашли ничего подобного.

– Верно, – проскрипел Ульффрик, сжимая кулаки. – Но они добывают кристаллы! Они выполняют норму! А вы уткнулись в какую-то доисторическую ерунду и спокойно уселись на задницы. Теперь-то, мол, можно дальше не работать, план не выполнять, да?

Мысли о планах и графиках пробудили в душе Ульффрика прежнего черствого чиновника, которому не было дела до бесполезных древних артефактов или памятников. Ну попалась в шахте необычная штукавина – так вырубите ее из скалы и продолжайте добычу, зачем строить из себя ценителей старины.

– Это должны решать не мы, – спокойно сказал Роргар, вытряхнув из трубки пепел. – Это дело Конклава.

Ульффрик зажмурился. Ему приходилось присутствовать на заседаниях Конклава, и он прекрасно представлял себе, на что будет похож разговор в Гранитном Зале.

– То есть как «прекратили работать»? – спросит, вытаращив глаза, Стормфред Три Рога, старейшина Гильдии Рудокопов. – А кристаллы?

– Да, кристаллы! – подхватит тощий Холлдар Глинорукий, старейшина Гильдии Купцов. – Вы подумали о наших прибылях? О тех убытках, непоправимых, невосполнимых, небывалых убытках, которые вы и ваша бригада нанесли всей Глубинной Империи?

Ну уж нет, никакого Конклава. Нельзя допустить позора.

– Значит, так! – зарычал Ульффрик, обращаясь к столпившимся вокруг саперам. – За работу, лентяи! Берите кирки, кувалды, лопаты, вытаскивайте наружу эту подробенку! Каждый, кто не подчинится, следующую смену встретит на кухне – это я вам обещаю!

Скалогрыз только руками развел.

Тяжело вздыхая, гномы принялись за дело. Ульффрик уселся на большой кусок породы и принялся внимательно наблюдать за ними. Он был доволен собой. Оставался еще порох в этом обветшавшем теле, оставалась еще сила в усталой, измотанной душе. А потому его рановато списывать со счетов. Еще наступит день, когда...

Через пару минут Ульффрик уже дремал, убаюканный размеренным стуком инструментов. Все-таки он был весьма пожилой гном.

* * *

Роргар Скалогрыз разбудил его, сказав с усмешкой:

– Взгляни-ка, что мы откопали, почтенный, пока ты отдыхать изволил.

– Я размышлял, – огрызнулся Ульффрик, изо всех сил стараясь не зевать.

Рабочие успели почти полностью освободить из каменного плена одну из сторон таинственного предмета – ровную стену, тоже украшенную резьбой. Однако стена оказалась не сплошной. Ульффрик понял это, но далеко не сразу смог осознать, что же конкретно он видит перед собой.

– Гранитные Предки, да ведь тут...

– Дверь, – подтвердил Скалогрыз, в кои-то веки расслышав собеседника. – Две створки, скрепленные тремя печатями.

Печати представляли собой диски из неизвестного камня, отличного по цвету и фактуре от материала основной конструкции. Вместо тонких резных узоров их покрывали ровные строчки непонятных символов.

– Кто-нибудь знает, что это за закорючки? – крикнул Ульффрик Роргару.

Тот покачал головой:

– Знатоки языков редко работают в шахтах. Но у меня есть кое-какие догадки. Полагаю, надписи могут означать, что больше мы точно не прикоснемся к этому проклятому шкафу. По крайней мере, до тех пор, пока Конклав не вынесет решения. Полезные вещи не выкидывают в огненное море, предварительно запечатав магией.

– Да нет тут никакой магии. – Ульффрик взял у Скалогрыза кирку и осторожно дотронулся ей до центральной печати. – Смотри, ничего не произошло.

– Готов биться об заклад, печати волшебные. Просто ты пока не пытаешься их сломать.

Сапер еще не закончил фразы, а Ульффрик вдруг услышал еще один голос. Где-то глубоко внутри себя, в самом потайном уголке, о котором он давным-давно успел позабыть. Голос был ласковый, мягкий – и говорил правильные вещи: предупреждал, что, если позволить Роргару остановить работу, то график обязательно сорвется, и, чем бы ни закончилась вся эта история с загадочной находкой, стыдно будет все равно. Голос знал способы спасти положение, советовал, как легко и быстро склонить рабочих на свою сторону, нашептывал нужные слова. В конце концов, все вокруг были гномами, а у гномов общие слабости.

– Я тоже готов биться об заклад, – сказал Ульффрик громко, так, чтобы смысл дошел до каждого из присутствующих. – Наверняка там внутри сокровища. Это наследие исчезнувших Богов, дар будущим поколениям. Прежде чем навсегда покинуть мир, они похоронили секреты своего могущества, спрятали их от недостойных. А теперь пришли мы, и настала пора древним тайнам вернуться на свет!

Скалогрызу крыть было нечем. На самом деле Ульффрик мог бы не разглагольствовать про богов, хватило бы одного лишь упоминания о сокровищах. Гномы всегда испытывали непреодолимую тягу к чужим ценностям, особенно тщательно спрятанным. Достаточно лишь крохотного намека на клад, чтобы у подгорных жителей загорелись глаза.

– Верно! – подхватил кто-то в толпе. – Пора им вернуться на свет! Ломай печати!

– Дробить-колотить! – взревел массивный бородач в задних рядах. – Чего же мы ждем?!

– Нет, постойте! – попытался вмешаться Скалогрыз, но даже его авторитета оказалось уже недостаточно, чтобы утихомирить забурлившую жажду наживы. Не обращая внимания на отчаянно ругающегося бригадира, гномы окружили торчащий из скалы кусок далекого прошлого, и здоровяк-сквернослов, растолкав остальных, с размаху опустил свою кирку на центральную печать.

Ничего не произошло.

Не взвился к потолку столб пламени, не разорвала полумрак молния, не явились чудовища. Даже искр не было. От мощного удара печать попросту раскололась на три неравных части.

– Хэй! – воскликнул здоровяк. – Всего лишь каменюка, дробить-колотить!

С радостными криками разбив оставшиеся печати, гномы принялись открывать двери. Это оказалось непросто, но они все-таки справились. Створки с легким шорохом распахнулись, и взорам сгрудившихся вокруг рудокопов предстала черная пустота, что таилась внутри.

– Э! – раздраженно бросил здоровяк. – Тут, кажись, нет ни винта! Ни одного дробленого камешка!

Подошел Скалогрыз, держа в руках снятый со стены масляный светильник. Теперь, когда пыл кладоискательства угас, потушенный неприглядной реальностью, гномы виновато расступались перед своим бригадиром. Роргар осторожно наклонился, осветил в темноту.

Отблески огня скользнули по гладкому полу и противоположной стене. Ни надписей, ни резьбы, ни рисунков.

– Даже пыли нет, – пробормотал он, отступая от черного прямоугольника двери.

Ульффрик подошел к Скалогрызу, снисходительно похлопал его по плечу:

– Ну видишь? Ничего опасного. Теперь вы с чистой совестью можете выломать этот ящик и сдать его в Гильдию Мастеровых, чтобы они определили, из какой-токой субстанции он сделан. А сейчас нужно продолжать работу, потому...

Голос в его голове проявился снова – тот же самый, что и несколькими минутами ранее. Только теперь он звучал гораздо громче, сильнее, яростнее, непрерывно усиливался, словно приближающаяся гигантская волна. И больше не притворялся ласковым.

Вскрикнув, Ульффрик зажал уши руками. Но это не помогло, да и не могло помочь: раз найдя путь в твою душу, Голос уже не покидал ее. Влажный хруст ломающихся костей, судорожное дыхание ускользающего сознания, гортанный шепот ворона, выклеывающего глаза – все сливалось в нем в едином вопле, вопле ненависти мертвого к живому. От ужаса, которым наполнилось его сознание, ноги старого гнома подкосились. Опустившись на колени, он увидел, как над ним склоняется встревоженный Роргар. Губы Скалогрыза шевелились, но Ульффрик не мог разобрать ни слова из-за пылающего в голове пожара.

Могучий гном, разбивший первую печать, вдруг пронзительно завизжал и напал на одного из своих товарищей. Тот, не успев ничего понять, даже не пытался сопротивляться – мощный удар сбил его с ног, а в следующий момент острие кирки проломило череп. Кровь щедро оросила скалу.

– Всего лишь каменюка, дробить-колотить! – взвыл здоровяк и, перешагнув через бьющееся в агонии тело, кинулся к следующей жертве. Крик ужаса наполнил пещеру, гномы бросились врассыпную – через несколько мгновений еще один рудокоп, схватив тяжелый молот, обрушился на паникующих собратьев, и двое саперов рухнули наземь с раздробленными грудными клетками.

В считанные секунды безумие затопило шахту – бригада превратилась в скопище взбесившихся зверей. Визжа и рыча, гномы сражались друг с другом, используя все, что подворачивалось под руку: кирки, лопаты, ножи и доски, а безоружные пытались повалить врага, чтобы дотянуться зубами или руками до горла. Кто-то, размахивая древком топора, прыгнул на Скалогрыза, но тот выплеснул содержимое масляного светильника в лицо нападавшему и юркнул под лестницу, где затаился среди сваленных в кучу вагонеток. Он понятия не имел, что именно происходит, но не сомневался – источником зла служила откопанная ими штукавина. Как бы то ни было, из всей бригады только ему удалось сохранить рассудок, и теперь Скалогрыз не собирался рисковать своей шкурой, пробиваясь сквозь рвущих друг друга на части рудокопов или пытаясь успокоить их. Лучше всего переждать. Настоящие саперы умеют ждать долго.

Ульффрик стоял на коленях и зажимал уши до тех пор, пока чья-то кирка не пробила ему грудь. Захлебываясь кровью, старый гном опрокинулся на спину. Вокруг метались тени и крики, скрежетали инструменты, превратившиеся вдруг в оружие, а Голос внутри продолжал набирать силу. Теперь, когда из раны сочились последние капли жизни, Ульффрик понимал каждое сказанное им слово. И он узнал этот Голос. Между умирающими любых времен нет и не может быть секретов. Древние легенды оказались правдой, нелепые старушечьи сказки сбылись. Механизмы, изобретения, статуи Предков, мечты и сны – все сожрет ржавчина, все обратится в пыль – ибо Голос не знает пощады. Настало время миру услышать слова, сказанные множеством тысячелетий назад. Настало время миру гореть.

Ульффрик тяжело захрипел, больше не имея возможности вдохнуть. Высоко над ним, на стенах шахты один за другим начали гаснуть светильники.

Часть первая Наковальня

Глава I Дым

Порыв ветра, налетевший с гор, заставил орков поежиться. Затянутое угрюмыми тучами небо, никогда не баловавшее солнцем эти места, висело низко – казалось, протяни руку и попадешь пальцами в серую шерсть облаков. Унылые, утонувшие в холоде земли, самая невзрачная окраина великой пустоши Карраз-Гул. Здесь чахлые травы не могли прокормить стада, а костры не спасали от ночных морозов. Орки уже давно не заходили так далеко на северо-запад. Если только не готовили набег.

Ур-Сарш, старший разведывательного отряда, был хорошо знаком с норвом Торгорского Кряжа. Пологие каменистые склоны, поросшие внизу редкими соснами, выше переходили в беспорядочное нагромождение голых скал, увенчанных острыми, словно копья, пиками. Один неверный шаг – и сорвешься в расщелину или попадешь в ловушку недоростков. Узкие горные тропы, служившие подходами к гномьим крепостям, отлично простреливались из замаскированных гнезд на склонах, а при необходимости – заваливались камнями или заливались кипящим маслом, превращаясь в капканы, из которых никому не выйти живым. Ур-Сарш на своем веку повидал немало сражений и ничего не страшился, но воспоминания о штурмах горных цитаделей заставляли его шрамы болезненно ныть. Хотя, возможно, в этом был виноват ледяной ветер.

Именно для того, чтобы разыскать эти проходы, трое орков и затаились сейчас среди поросших убогим кустарником холмов. Краазг и Гром-Шог явно нервничали, пусть и старались изо всех сил этого не показать – для них рейд должен стать первым серьезным походом, испытанием воинской сноровки и доблести. Оба выросли в мирные времена и никогда не видели ничего серьезнее стычек с соседними племенами. То, что каган отправил их в разведку, уже было немалой честью, а в случае успеха они могли рассчитывать на места среди нукеров, особой свиты вождя.

Ур-Сарш ни на что не рассчитывал: он вызвался руководить рейдом, чтобы сбежать из становища, опостылевшего до тошноты. Спокойная, размеренная жизнь никогда не привлекала его, а в последние годы опротивела совсем. Он терпеть не мог охотиться на диких козлов или пасти их прирученную родню в срединных степях. Нет, Ур-Сарш помнил прежние дни, когда вместо скота воины пригоняли в становище вереницы связанных рабов, когда единственным орудием труда в руках зеленокожего была его каменная секира, предназначенная крушить черепа врагов. И теперь, получив шанс умереть так, как должно орку, старик не собирался его упускать. Он вломится в ряды гномов первым; растапывая недоростков, будет рубить их косматые головы, принимать грудью заряды пороховых самострелов, при-

крывая идущих следом соплеменников. Получив смертельную рану, он опустится на залившую кровью землю, и последним, что он услышит, будет священная музыка Зара, бога войны: хруст сминаемых доспехов, тяжелый лязг сталкивающихся клинков, стоны раненых. Но для осуществления этой мечты сперва нужно было выполнить задачу разведки: начертить на козьей шкуре схему подходов к гномьей крепости. Главное было, не выдать себя, ползая по скалам – ведь тогда орки лишатся единственного преимущества, на которое рассчитывали в этих проклятых горах, – неожиданности.

Ур-Сарш знал, какие опасности могут подстергать маленький отряд во время возложенной на него миссии, знал, как избежать большинства из них, был готов встретить любое препятствие лицом к лицу и готовил к тому же своих неопытных спутников. Но то, что они увидели, добравшись до холмов в самом начале предгорий, все-таки застало его врасплох.

– Так и должно быть? – спросил Краазг, прервав затянувшееся молчание.

– Нет, – нахмурился Ур-Сарш, продолжая вглядываться в многочисленные столбы черного дыма, поднимающиеся над склонами. – Не должно.

– Похоже на пожар, – сказал Гром-Шог. – Гномьи заводы горят.

Он был немного сообразительнее своего товарища, а значит, мог прожить дольше.

– А разве заводы не дымят? – спросил Краазг недоуменно. – Там вроде жгут что-то?

– Гномы не позволяют дыму от своих очагов уйти просто так, – объяснил Ур-Сарш. – Они запускают его в машины, чтобы тепло давало им жизнь. Или вроде того.

– Слишком уж много его здесь, – сказал Гром-Шог. – Заводы горят.

– Да, – согласился Ур-Сарш. – Горят.

Вновь замолчали. Зрелище завораживало. Ветер сносил дым, размазывал его по небу, рисуя диковинные узоры, среди которых чудились лица, искаженные в жестоких ухмылках. Чужие лица, не принадлежащие ни одному из известных племен, не способные смеяться или рыдать. Лица, ждущие по ту сторону пропущенного смертельного удара.

Гром-Шог поморщился, прогоняя видение, и сомкнул пальцы на отполированной рукояти шипастой палицы, висевшей за спиной. Прикосновение к оружию придало ему уверенности. Дым как дым. Никаких лиц. Никаких ухмылок.

– Что делаем? – спросил он, хотя знал ответ.

– Идем, – буркнул Ур-Сарш. Ему почему-то совсем не хотелось двигаться вперед. Это была не трусость и даже не осторожность – первобытное, звериное чутье, до сей поры ни разу не подводившее его. Там, за гранитными укреплениями гномов, уже не осталось ничего, что имело бы какую-то ценность. Разведка провалилась, не успев начаться, готовящийся набег не состоится, а значит, и погибнуть в бою не удастся – он уже понимал это. Но отступить не собирался.

Решившись, Ур-Сарш выбрался из канавы, служившей им убежищем, встал во весь рост. Если бы гномы следили за предгорьями, они наверняка тут же заметили бы его. Но на каменных бастионах больше некому было осматривать подступы сквозь подзорные трубы. Трое орков оставались последними живыми существами на несколько миль вокруг.

Щенки вылезли следом, напряженные, словно натянутая тетива, готовые в любой момент нырнуть обратно, укрываясь от выстрелов дальнобойных аркебуз.

– Им не до нас, – сказал Ур-Сарш. – Можно не прятаться.

– Откуда знаешь?

– Шрамов больше, – ощерился вожак. – Вот и знаю.

Щенки кивнули. Троица неспешно направилась к скалам. Лес здесь был полностью вырублен, чтобы не закрывать обзора и не мешать стрелкам на стенах выбирать себе цели. В подобных местах любой воин чувствует легкий холодок в груди, даже если настоящей опасности нет. Арбалетный болт или пуля страшны не потому, что убивают сразу, а потому, что не позволяют увидеть сразившего тебя врага, не дают последнего шанса достать его,

лишают пьянящей радости рукопашной схватки. Орк, заколотый мечом или зарубленный топором врага, сразу отправляется к Зару – все еще обливаясь кровью, входит он в костяной шатер великого бога войны и приносит клятву вечной верности. Тот же, кто падет, не добравшись до врага, сраженный лучником или аркебузиром, долгое время вынужден будет скитаться по полю битвы бесплотным духом, не понимая, что произошло и куда подевались боевые соратники. Недаром метательные керны, единственное дальнобойное оружие орков, не применяются против сородичей – как бы ни были сильны разногласия между племенами и каганатами, обитатели пустыни никогда не преграждали друг другу путь в небесную армию.

Ур-Сарш, Гром-Шог и Краазг преодолевали подъем в полной тишине. Ни стрел, ни пуль, ни предостерегающих окриков. Только пахло гарью – чем ближе к крепости, тем сильнее. Прыгая с валуна на валун, карабкаясь по осыпям, осторожно обходя трещины и провалы, они так и не наткнулись ни на одну серьезную ловушку, если не считать нескольких ржавых медвежьих капканов, расставленных на самой широкой из троп. Добравшись до скалы, уходившей отвесно вверх и служившей естественной стеной одной из башен гномьей цитадели, вожак повернулся к щенкам:

– Будем искать ворота. Терять нечего.

Краазг кивнул. Гром-Шог спросил:

– А как мы их откроем?

Ур-Сарш внимательно посмотрел на него, хмыкнул и сбросил с широкого плеча сумку из козьей шкуры, в которой лежали инструменты:

– Ладно. Тогда полезем.

Само собой, это не было частью плана. Собираясь в поход, они и надеяться не могли на то, что смогут подобраться вплотную к форту. Кошку с крючьями захватили на всякий случай, готовясь скрываться в расселинах от патрулей. Однако Зар давал им возможность взглянуть на гномьи укрепления изнутри, и нельзя было уходить, упустив такую возможность. Даже Краазг это понимал.

Кошку получилось забросить с третьей попытки. Оглушительный лязг металла по камню не привлек ничего внимания. Убедившись в надежности крепления, Ур-Сарш начал взбираться вверх по стене. Краазг повернулся к Гром-Шогу и спросил:

– Ты слышишь?

– Что?

– Голос. Кто-то кричит вдалеке. Вроде бы, в крепости.

Гром-Шог прислушался. Ничего. Только ветер раскачивает сосны. Тишина настораживала, таила в себе угрозу, но орки не привыкли считаться с невидимым. Пока враг никак себя не проявляет, его можно не бояться.

– Эй, песье отродье! – окликнул сверху вожак. – Чего ждете?

Краазг полез первым, следом за ним – Гром-Шог. Подтягиваясь рывками, упиравшись ступнями в холодный гранит, он продолжал напряженно вслушиваться в окружающее пространство. Птицы не пели, но их здесь могло вообще не быть из-за заводов или дыма. Ветер то стихал, то налетал вновь резкими порывами. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего крики.

Гром-Шог достиг верхней границы стены, одним движением перемахнул через нее – и, оказавшись на смотровой площадке, едва не ткнулся носом в спину Краазга, застывшего в двух шагах от края. Уже готовое вырваться ругательство застряло в горле: что-то было не так. Ур-Сарш стоял лицом к ним, держа наперевес свой каменный топор, и лицо его исказилось в жуткой гримасе не то ненависти, не то презрения. Гром-Шог узнал оскал – совсем недавно ему привиделся подобный в дыму. Угроза, что таилась в тишине, проявила себя.

– Вы же слышали? – спросил вожак. – Ножи. Крючья. Цепи.

– Да, – ответил Краазг. – Я слышал.

– Шипы. Рога. Клыки, – сказал Ур-Сарш и сделал шаг вперед, медленно поднимая топор.

– Стой! – воскликнул Гром-Шог, отступая в сторону. – Зачем ты...

– Копья. Гвозди. Когти! – Широко размахнувшись, вожак раскроил застывшего на месте Краазга от плеча до пояса. Кровь хлынула широким потоком, забрызгала убийцу. Молодой орк начал падать назад, не издав ни звука, увлекая за собой застрявший в теле топор. Ур-Сарш равнодушно выпустил древко из рук, и то, что осталось от Краазга, тяжело перевалилось через парапет вместе с уничтожившим его оружием.

Вожак повернулся к Гром-Шогу, сказал размеренно:

– Клещи. Кнуты. Прутья.

– Еще бы, – протянул Гром-Шог, доставая из-за спины палицу. – Конечно.

Он больше не боялся и не пытался понять происходящее. Перед лицом опасности, от кого бы она ни исходила, нельзя размышлять, иначе впадешь в растерянность. Враг хочет твоей смерти, а остальное не имеет никакого значения: может, всему виной неизведанное гномье колдовство, может, эльфы – над этим он подумает после, если выйдет из схватки живым.

Ур-Сарш снял с пояса широкий нож с зазубренным лезвием и, выставив его перед собой, начал приближаться. Гром-Шог отступал, готовый в любую секунду броситься в атаку. Истошно выл ветер.

– Крысы, – пробормотал вожак. – Коля. Кости.

Он прыгнул внезапно, не выдав своего намерения ни одним движением – а потому застал противника врасплох. Гром-Шог едва успел отшатнуться, и лезвие ножа, целившее в глаза, лишь полоснуло по щеке. Он отскочил назад, принимая новые удары древком палицы. Ур-Сарш бил быстро, резко, не оставляя ему времени на замах.

– Пилы! Петли! Зубы!

Улучив момент, Гром-Шог пнул вожака ногой. Тот отлетел на шаг, зашипев, словно разъяренная змея, и снова кинулся в бой, но сообразительный щенок успел воспользоваться кратким перерывом. Палица обрушилась на левое плечо старого орка, ломая кости, круша ребра, разрывая шипами мышцы.

Ур-Сарш мешком рухнул на пол. Он не кричал, хотя вся левая сторона его туловища была изувечена и смята – из клыкастой пасти продолжали вырываться несвязные слова, отчего казалось, что это не живое существо, а вышедший из строя диковинный аппарат, гномья машина, не имеющая сил остановиться, даже когда по ней бьют молотком:

– Вилы. Серпы. Иглы. Кисте...

Гром-Шог наступил ему на горло, занес палицу и одним махом размозжил вожаку голову. Поток слов прервался, снова наступила тишина.

Только теперь Гром-Шог получил возможность оглядеться. Тяжело дыша, он опустился на холодный гранит рядом с трупом бывшего командира, чтобы отдохнуть и привести мысли в порядок. Отсюда, с верхней площадки крайней восточной башни, открывался отличный обзор внутреннего двора крепости, где царившее в этом месте безумие явно успело погулять на славу.

В середине двора на небольшой площадке стояли три каменных статуи, изображавшие суровых бородатых воинов, опирающихся на боевые молоты. Вся земля вокруг была усеяна мертвыми гномами и разбитыми доспехами. Беспорядочно разбросанные тела убитых говорили о том, что они не противостояли общему врагу, а сражались друг с другом. Сражались отчаянно, самозабвенно, до тех пор, пока в живых не осталось никого. Ветер немного стих, позволив ноздрям орка уловить легкий, но явственный аромат разложения – погибшие лежали там не дольше трех-четырех дней. Повсюду валялись тележки, лопаты, кирки, бесформенные обломки механизмов. Внутренние ворота, ведущие в глубь горы, были приот-

крыты, и из щели вырывались клубы черного дыма – массивные створки, украшенные изображениями не то лошадей, не то драконов, сплошь покрывала сажа. От башни, возведенной на другой стороне двора, осталась только покосившаяся наружная стена, остальное превратилось в груды почерневшего камня. Гром-Шог не мог даже представить, какой силы должен был быть взрыв, способный разворотить такую громадину.

Впрочем, он не особенно пытался представлять. Сейчас его занимали другие вопросы: что делать дальше и как рассказать кагану о случившемся. Соплеменники не нападают друг на друга ни с того, ни с сего – почти наверняка тут замешана магия. Он не мог вернуться, не выяснив, из-за чего погибли Ур-Сарш и Краазг, а целое гномье поселение превратилось в кладбище. Но с чего начать? Спускаться в подземелье, заполненное дымом, не имело смысла, да и хватит ли ему ума распознать источник безумия, даже столкнувшись с ним нос к носу?

Возбуждение схватки проходило, распоротая щека наливалась болью. Кровь из раны капала на грудь, пачкая куртку из козьей шкуры и ожерелье из волчьих клыков. Гром-Шог повернулся к распластавшемуся рядом жожаку, начал обыскивать тело, надеясь найти что-нибудь, годящееся для перевязки. Не обнаружив ни одного подходящего клочка, он оторвал от расшитых пестрыми узорами штанов Ур-Сарша полосу ткани, с помощью которой кое-как перетянул себе лицо.

– Эй, клыкастенный! – раздался вдруг хриплый голос за спиной.

Гром-Шог резко развернулся, поднимая дубину. На расстоянии десяти шагов, там, где на граните высыхала темная кровь Краазга, стоял гном. Самый настоящий гном, коренастый, бородатый, невысокий – среднему орку по грудь. Хотя этот казался чуть выше, потому что к сапогам на его ногах крепились странные металлические штуковины, похожие на куриные лапы. Он держал в руках аркебузу и, прищурившись, целился из нее прямо в голову Гром-Шогу.

– Спокойно, клыкастенный, – сказал гном. – Я смотрю, ты вроде не дробанутый?

Орк ничего не ответил. Щека болела, да и незачем попусту болтать. Зар вознаградила его за доблесть: перед ним находился, возможно, единственный свидетель произошедшего в крепости, единственный, кто знал, почему Ур-Сарш напал на своих младших братьев. Скорее всего, этот недоросток был к тому же прекрасно осведомлен о всех входах-выходах, тайных складах и сокровищницах, ловушках и капканах.

– Ты это, рваная морда... – продолжал между тем гном. – Если бурчишь там, бурчи громче, а то я на ухо туговат. Немного. И не дергайся, потому что штучка у меня в руках коли пальнет, так уж пальнет. Мало не пока...

Гром-Шог метнул палицу, одновременно отпрянув в сторону. Аркебуза громыхнула, ее заряд, оставляя дымный след, просвистел над ухом. Гном попытался увернуться от летящего в него оружия, подпрыгнул – очень высоко подпрыгнул – так что древко палицы не угодило ему в живот, а только слегка задело за те самые металлические лапы. Этого хватило, чтобы коротышка кувыркнулся в воздухе и приземлился на спину, выронив ружье.

Гром-Шог, одним скачком преодолев разделявшее их расстояние, припечатал гнома ногой к полу, от души заехал кулаком в лоб. Глаза недоростка закатились, он обмяк. Вот и вся драка. Орк сплюнул кровь, скривился от дернувшей щеку боли.

Перекинув потерявшего сознание пленника через плечо и проверив прочность крепления кошки, он начал осторожно спускаться вниз по стене. Оставаться дольше в этом проклятом месте Гром-Шог не собирался. Слишком много ответственности, слишком мало понятного. Кто знает, какие неожиданности могли скрываться в затянутых дымом подгорных коридорах? Не исключено, что там могли прятаться еще гномы, достаточно сообразительные, чтобы не приближаться к нему, а расстрелять издалека. Или не гномы. В любом случае в пещерах не бывает ничего хорошего.

Добравшись до земли, он размотал веревку, скреплявшую не пригодившиеся крючья, и крепко связал ей бородатого коротышку. Затем подобрал с останков товарища каменный топор вожака. Длинную, слегка изогнутую рукоятку, богато украшенную перьями и звериными клыками, целиком покрывала кровь Краазга – теперь он был отомщен, и по всем законам Гром-Шог имел полное право на этот трофей. Пристроив топор за спину, он вскинул пленника на плечо и, не теряя времени, двинулся в обратный путь: с булыжника на булыжник, мимо провалов и капканов – вниз, к раскинувшимся впереди бескрайним просторам великой пустоши Карраз-Гул.

* * *

На ночлег они остановились, когда окончательно стемнело. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулась бескрайняя равнина, во мраке казавшаяся серой. Ветер разогнал облака, обнажил россыпи сверкающих звезд в черных провалах между ними. Ошметки туч рваными клочьями скользили вокруг молодого месяца.

Гром-Шог развел небольшой костер из ползучего кустарника, росшего вокруг в изобилии: пламя вышло тусклым и сильно чадило, но подогреть на нем вяленое мясо было вполне возможно. От аппетитного запаха гном, давно уже пришедший в себя, беспокойно заерзал. Орк даже не взглянул в его сторону, продолжая деловито разжевывать полоску за полоской. Получалось медленно, потому что пользоваться приходилось только правой стороной челюстей. Наконец бородач не выдержал.

– Слышь, рваная морда, – осторожно прошептал он. – Можно мне кусочек, а? Ведь это... очокурюсь невзначай...

Гром-Шог кинул ему полоску, потом, поразмыслив, кинул еще одну. Гном, лежавший на животе, со скрученными за спиной руками, был вынужден подбирать мясо зубами с земли, но, проглотив все до последнего волокна, благодарно мотнул головой и перекатился на бок.

– Меня звать Скалогрыз, – сказал он, негромко рыгнув. – Роргар Скалогрыз. А тебя?

Гром-Шог жевал, пристально глядя в огонь.

– Хорошо, – кивнул через некоторое время гном. – Тогда ты Рваная Морда. Идет?

Орк пожал плечами. Мысли его были далеко, крутились вокруг того, что скажет каган, выслушав рассказ и увидев пленника. Он возвращался в становище непобежденным, но и похвастаться было нечем. Если будет принято решение все же идти в набег, он легко проведет воинов к стенам горной цитадели. Но какую добычу им удастся захватить в этом разрушенном неизвестной напастью форте? И, самое главное, многие ли из них лишатся там рассудка, подобно Ур-Саршу, многие ли обернутся против сородичей, бормоча бессвязный бред? За всю жизнь Гром-Шог не размышлял больше, чем в эту ночь.

– Слышь, – вновь обратил на себя внимание Скалогрыз. – Надо бы посмотреть твою рану. Потому как... того... гной, зараза всякая. Лучше ее вообще заштопать. Я умею, да. Я ж сапер, а у нас это дело привычное – то одному что-нибудь оторвет, то другому.

Гром-Шог привстал, нагнулся над гномом и медленно, по частям выговаривая слово за словом, прошипел:

– Вякнешь. Еще. Раз. Отрежу. Язык.

Каждый звук отдавался резкой болью в левой половине головы, и на то, чтобы закончить фразу, сил ушло не меньше, чем на хорошую драку.

Хлопнув пару раз глазами, Скалогрыз сказал:

– Чего? Говорю ведь, глуховат я слегонца, не все расслышал.

Орк утробно зарычал, потянулся к рукояти топора.

– Вот теперь понятно! – торопливо заверил его гном. – Замолкаю.